

За украинскій университетъ.

(Письмо изъ Галиціи).

Удивительную картину мѣсяцъ тому назадъ представлялъ „главный и королевскій городъ“ Львовъ. Безконечныя, повторявшіяся и днемъ, и позднимъ вечеромъ демонстраціи; толпы народа, съ пѣніемъ „Jeszcze Polska nie zginęła“ марширующія по улицамъ; митинги, на которыхъ ораторы призывали присутствующихъ отвратить „новое бѣдствіе“, готовое упасть на „родину“; пламенные статьи въ газетахъ, призывающія дать отпоръ новому посягательству на „неотъемлемыя права“ націи....

Непосвященному могло бы показаться, что или въ въ странѣ готовится вооруженное возстаніе, или центральное правительство готовится какой-то *coup d'état*, долженствующій отнять у націи ея старыя, освященныя обычаемъ права.

Въ дѣйствительности дѣло обстояло иначе. Несчастье, отъ котораго представлялось необходимымъ спасти „отечество“, было совсѣмъ другого характера.

Украинскій университетъ или, вѣрнѣе, лишь призракъ его—вотъ была причина, мобилизовавшая всѣхъ истинно-польскихъ людей Львова.

Наблюдая эту патріотическую вакханалію, видя представителей угнетенной націи въ роли угнетателей; профессоровъ, призывающихъ учащуюся молодежь къ погрому украинцевъ; студентовъ, съ палками въ рукахъ и... съ „Z dymem rozarów“ на устахъ клянущееся „не оставитъ камня на камнѣ“ на будущемъ „гайдамацкомъ“ университетѣ,—казалось, что присутствуешь при невозможномъ соціологическомъ явленіи: помѣшательствѣ цѣлой націи. Конечно, если подъ націей понимать кучку политическихъ банкротовъ, которая, однако, до сихъ поръ даетъ тонъ всей политической жизни края. Психіатръ, немного ознакомленный къ тому же съ галицкою общественною жизнью, навѣрное, назвалъ бы то изступленіе, въ которое попали

львовскіе патріоты, „delirium furibundum“. Потому что симптомы этого delirium,— поступки, основанные на совершенно несоотвѣтствующихъ дѣйствительности представленіяхъ или иллюзіяхъ,—были на-лицо. Такою иллюзіею въ данномъ случаѣ является убѣжденіе поляковъ въ страшномъ вредѣ украинскаго университета для всей Польши.

Безусловно, вопросъ объ украинскомъ университетѣ имѣетъ громадное значеніе, далеко выходящее за границы края. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы та страстность, съ которой дебатруется этотъ вопросъ не только во Львовѣ, но и въ Кіевѣ, Варшавѣ, Петербургѣ, Вѣнѣ и даже въ... Грацѣ!¹⁾ Вопросъ, около котораго сталкиваются интересы цѣлыхъ классовъ, націй и даже государства, очевидно, имѣетъ не только культурное, но и политическое значеніе. Сперва, однако, нѣсколько словъ изъ исторіи львовскаго университета, необходимыхъ для пониманія настоящаго положенія интересующаго насъ вопроса.

Львовскій университетъ былъ основанъ въ концѣ XVIII в. императоромъ Іосифомъ II. До самаго 1848 г. университетъ носилъ чисто нѣмецкій характеръ. Только нѣкоторые предметы (на богословскомъ факультетѣ) читались по-латыни. Съ 1848 г. права украинскаго языка въ университетѣ официально признаются и все болѣе и болѣе расширяются. Сперва былъ основанъ (правда, временно) лицей для украинскихъ богослововъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія, въ 1849 г. учреждена каѳедра украинскаго языка и литературы, въ 1862—двѣ каѳедры на юридическомъ факультетѣ и еще нѣкоторыя. Но всѣ эти уступки носили спорадическій характеръ и были только терпимыми исключеніями въ чисто нѣмецкомъ по закону университетѣ. Распоряженіе министра народнаго просвѣщенія отъ 11-го іюля 1871 г. измѣнило положеніе.

Это распоряженіе начинается слѣдующими словами: „Его императорское и королевское апостольское величество высочайшимъ постановленіемъ 4-го іюля 1871 г. всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ, чтобы ограниченія, пре-

¹⁾ Недавно грацкая „Tagespost“, считающаяся полуофициозомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, помѣстила статью, доказывающую важность украинскаго университета какъ для внутренней, такъ и для внѣшней политики монархіи.

пятствующія чтенію лекцій на польскомъ и украинскомъ языкахъ на факультетѣ права и администраціи, а также и философскомъ львовскаго университета, были устранены и чтобы въ будущемъ къ занятію кафедръ на названныхъ факультетахъ были допускаемы лишь кандидаты, совершенно свободно владѣющіе однимъ изъ обоихъ областныхъ языковъ. Высочайшее распоряженіе его императорскаго и королевскаго апостольскаго величества стремится открыть во львовскомъ университетѣ свободное поле для науки на обоихъ языкахъ мѣстнаго населенія“ и т. д.

Это императорское распоряженіе было послѣднимъ, регулирующимъ права польскаго и украинскаго языковъ во львовскомъ университетѣ.

Какъ это ясно видно изъ буквального смысла приведеннаго распоряженія, права обоихъ языковъ были сравнены. Университетъ былъ признанъ,—какъ говорятъ въ Галиціи,—„утраквистическимъ“. Съ этого времени начинается однако не утраквизація, а... полная полонизація университета. Благодаря совершенно естественному въ то время большому количеству кандидатовъ-поляковъ, способныхъ занять университетскія кафедры, въ очень непродолжительномъ времени большинство львовскаго университетскаго сената оказалось въ польскихъ рукахъ. Это выгодное положеніе было поляками очень искусно использовано въ цѣляхъ недопущенія въ университетъ въ качествѣ профессоровъ (или доцентовъ) молодыхъ украинскихъ научныхъ силъ.

Напримѣръ, д-ръ Студинскій, украинецъ, былъ габилитованъ ¹⁾ въ Краковѣ на основаніи работы, забракованной львовскими профессорами. Такъ же точно украинецъ д-ръ Зобківъ, забракованный львовскимъ университетомъ, былъ габилитированъ въ Аграмѣ, и т. д. Такихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о крайней тенденціозности львовской профессорской корпораціи по отношенію къ молодымъ украинскимъ ученымъ, можно бы было привести не одинъ и не два. Нѣтъ ничего удивительнаго, что украинцевъ,

1) Желающій получить доцентуру въ австрійскомъ университетѣ долженъ по достиженіи докторской степени предложить факультету самостоятельную научную работу. По одобреніи работы факультетомъ и послѣ пробной лекціи кандидатъ становился „габилитованнымъ доцентомъ“ и получалъ право на занятіе кафедръ.

желающихъ габилитироваться во львовскомъ университетѣ, становилось все меньше и меньше. Это обстоятельство стало въ послѣдствіи однимъ изъ главныхъ аргументовъ поляковъ противъ требованія украинцами своего университета. „Для чего имъ университетъ,—писали польскія газеты,—когда они не только не имѣютъ, но и не стараются создать необходимыя научныя силы“.

Ненормальное положеніе украинскаго языка во львовскомъ университетѣ побудило, наконецъ, украинскую молодежь поднять знамя борьбы за свой собственный храмъ науки. Сначала требованія украинскаго студенчества въ Галиціи не шли дальше аналогичныхъ требованій ихъ російскихъ земляковъ въ настоящее время. Учрежденіе нѣсколькихъ кафедръ — этимъ ограничивались всѣ притязанія украинскаго студенчества. Только лишь въ 1899 г. выдвигается требованіе основанія отдѣльнаго украинскаго университета.

Одновременно съ этимъ борьба принимаетъ все болѣе и болѣе острыя формы. Нетактичность сената и національная нетерпимость польскихъ профессоровъ—неразрѣшеніе сходовъ украинскихъ студентовъ, непризнаніе правъ украинскаго языка при имматрикуляціи и проч.—привели скоро къ цѣлому ряду періодически повторяющихся эксцессовъ, послѣднимъ изъ которыхъ были трагическія событія 1-го іюля 1910 г. Съ этого времени „ukrainische Universitäts frag e“ уже не сходитъ съ порядка дня въ Австріи. Въ послѣдніе мѣсяцы вопросъ вступилъ въ особенно острую стадію своего развитія. 7-го апрѣля наст. года начались вызванные украинской обструкціей въ парламентѣ переговоры между польскими и украинскими политиками при посредничествѣ правительства о способахъ и возможности учрежденія украинскаго университета. Эти переговоры—съ различными перерывами—продолжаются до сихъ поръ. Эти же переговоры, въ которыхъ украинцы вполне конкретно поставили свои требованія, всполошили всю „патріотически“ мыслящую часть польскаго общества въ Галиціи. Къ тому же изъ Вѣны стали приходиться неясныя слухи, что коло, состоящее въ большинствѣ изъ людовцевъ и консерваторовъ, готовится „продать“ интересы „націи“... Нужно было дѣйствовать рѣшительно. Отечество было объявлено въ опасности, и во главѣ движенія, долженствующаго оказать да-

вление на коло и правительство, встали вшехполяки,—партия, которой вся история съ университетомъ вышла какъ нельзя болѣе на-руку. Скомпрометтировать своего непримиримаго врага—намѣстника—и одновременно рекламировать себя какъ единственныхъ „спасителей отечества“—перспектива слишкомъ заманчивая, чтобы за нее не ухватились люди, терявшіе уже, какъ казалось, почву подъ ногами. Настрое-ние уже было подготовлено прессой. Затѣмъ слѣдоваль рядъ митинговъ. Наконецъ, одна за другой поѣхали въ Вѣну депутаціи. Одной изъ первыхъ отправилась протестовать противъ учрежденія украинскаго университета депутація городского совѣта. Въ составъ депутаціи входили: гг. Найманъ, Теренкочи, Шляйхеръ, Ридль и Адамъ. Читатель не долженъ смущаться нѣсколькими странными, какъ-будто не совсѣмъ польскими именами членовъ депутаціи. Какъ въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ истинно-русскіе люди, такъ въ Галиціи истинно-польскіе носятъ преимущественно нѣмецкія фамиліи. Депутація вручила министрамъ и колу „меморіаль“ съ требованіемъ не допустить до учрежденія украинскаго университета во Львовѣ, такъ какъ „Львовъ—польскій городъ“ (между прочимъ этотъ „польскій“ городъ имѣетъ немногимъ болѣе 50% поляковъ, остальные—украинцы и евреи). Депутаціи съ аналогичными требованіями были посланы профессорскою коллегіей, провинціальными городскими совѣтами, разными учрежденіями и сословіями.

Одновременно началась во Львовѣ та митинговая вакханалія, о которой я упомянулъ въ началѣ статьи. На одномъ изъ этихъ митинговъ проф. Грабскій призывалъ собравшихся не допустить до основанія украинскаго университета „хотя бы физическою силою“. Слова Грабскаго были покрыты бурей апплодисментовъ...

Геройскимъ усиліямъ „спасителей отечества“ удалось достигнуть желательнаго результата. Стремленія вшехполяковъ „охватить пожаромъ, по словамъ „Przegląd“a“, всю восточную часть края, уничтожить спокойствіе и порядокъ и выкопать пропасть между двумя народами“, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ. 22-го мая вѣнское коло приняло единогласно резолюцію по поводу украинскаго университета. Въ резолюціи, которая начиналась высокопарными словами о томъ, что поляки „никогда не отрицали за

украинскимъ народомъ правъ на культурное развитие“, коло великодушно соглашалось на учрежденіе украинскаго университета. Однако, лишь при томъ условіи, чтобы: 1) университетъ не былъ во Львовѣ, 2) былъ признанъ закономъ польскій характеръ существующаго львовскаго университета, 3) всѣ лабораторіи, институты, бібліотеки, коллекціи останутся при польскомъ университетѣ, 4) украинцы прекратятъ обструкцію въ сеймѣ. Резолюція была принята, какъ я уже отмѣтилъ, единогласно. Это значить, что за нее голосовали и польскіе демократы, благодаря своему „глубокому демократизму“ желанные гости на многихъ польскихъ социалистическихъ собраніяхъ. Какъ теперь выяснилось, вышеупомянутая резолюція коло появилась на свѣтъ исключительно благодаря террору незначительной группки вшехполяковъ, развившихъ бѣшеную агитацію въ краѣ. Сперва коло готово было согласиться на Львовъ какъ на мѣсто для будущаго украинскаго университета. Еще передъ принятіемъ резолюціи сказалъ премьеръ гр. Штиргкъ президіуму украинскаго клуба дословно слѣдующее: „Seien sie beruhigt meine Herren, ich habe für Lemberg die Mehrheit des Polenklubs gewonnen“ („Будьте спокойны, господа, мнѣ удалось приобрести согласіе большинства кола на Львовъ“). Агитация національ-демократовъ перевернула все кверху ногами, и вмѣсто Львова украинцы получили проектъ императорскаго распоряженія по университетскому вопросу, написанный подъ диктовку группы, не располагающей въ колѣ даже десяткомъ голосовъ. Проектъ признаетъ за украинцами право на университетъ, не упоминая, впрочемъ, о мѣстѣ или о времени его учрежденія, а взамѣнъ этой „милости“ требуетъ: 1) признанія польскаго характера львовскаго университета и 2) прекращенія обструкціи въ сеймѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что украинскій клубъ объявилъ подобныя условія не только неприемлемыми, но даже немогущими служить основою для обсуждения. Одновременно съ этимъ клубъ началъ обструкцію въ комиссіяхъ. Трудно сказать, какъ сложатся обстоятельства въ ближайшемъ будущемъ.

Правительству необходимо—наипозже черезъ двѣ недѣли—имѣть уже утвержденный военный законъ (Wehrgesetz).

Обструкція украинскаго клуба явилась для прави-

тельства совершенно некстати, и оно дѣлаетъ попытки устранить ее. Начались новые польско-украинскіе переговоры. Извѣстное давленіе на правительство— въ цѣляхъ скорѣйшиго урегулированія украинскаго университетскаго вопроса—оказываютъ и другія партіи. Ожидать, однако, какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ отъ вновь начавшихся переговоровъ было бы слишкомъ оптимистично.

Не иначе смотреть на вещи, повидимому, и временно исполняющій обязанности премьера министръ внутреннихъ дѣлъ бар. Гайнольдъ. Нѣсколько дней назадъ окрыленный, очевидно, успѣхами венгерскаго Столыпина—гр. Тиссы,—бар. Гайнольдъ пригрозилъ представителямъ партій въ случаѣ украинской обструкціи примѣнить австрійскую 87-ю ст.— знаменитый § 14-й. Удастся ли шефу правительства привести свою угрозу въ исполненіе,—большой вопросъ. Австрія является менѣе удобной почвой для всякихъ государственныхъ переворотовъ сверху, чѣмъ полуазіатская Венгрія. Кромѣ того, какія бы то ни было угрозы совершенно не къ лицу министру, не имѣющему даже постоянного большинства въ парламентѣ.

Какъ бы, однако, ни сложилось будущее, отказываться отъ своего главнаго требованія—учрежденія университета во Львовѣ—украинцамъ не представляется возможнымъ. Не представляется возможнымъ уже потому, что университетъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ городкѣ—вдали отъ библіотекъ, музеевъ, институтовъ—былъ бы просто абсурдомъ. Не могутъ этого не понимать поляки, и потому ихъ нежеланіе видѣть украинскій университетъ во Львовѣ равносильно полному нежеланію дать украинцамъ университетъ вообще. Не выдерживаютъ критики и прочіе аргументы съ польской стороны, пытающіеся доказать утопичность украинскихъ притязаній. Особенно часто говорятъ о недостаткѣ научныхъ силъ у украинцевъ. Этотъ недостатокъ, конечно, ощущается, но, во-первыхъ, онъ сильно преувеличенъ, а во-вторыхъ, гдѣ же эти силы будутъ вырабатываться? Въ существующемъ польскомъ университетѣ во Львовѣ это почти невозможно. Кромѣ того, не было бы ничего ненормальнаго, если бы нѣкоторыя кафедры сперва были заняты не украинцами, а, на примѣръ, нѣмцами или чехами, которые въ теченіе двухъ — трехъ лѣтъ обязаны были бы выучиться по-украински.

Вѣдь не иначе обстояло дѣло при полонизаціи львовскаго университета. Въ свое время львовскій университетъ, а также агрономическій факультетъ въ Краковѣ, ветеринарная школа во Львовѣ приглашали на свои кафедры или русскихъ и познанскихъ поляковъ, или попросту нѣмцевъ, и никто не видѣлъ въ этомъ ничего ненормальнаго. Нѣтъ никакой необходимости къ тому же основать сразу цѣлый университетъ. Чешскій университетъ въ Прагѣ явился на свѣтъ сначала только лишь съ двумя факультетами. И только десять лѣтъ спустя университетъ имѣлъ всѣ четыре факультета.

Этими немногими замѣчаніями не думаю исчерпать всей очень сложной, культурной стороны вопроса, такъ какъ хочу обратить здѣсь вниманіе на его болѣе важную политическую сторону. Къ тому же и сами поляки препятствуютъ учрежденію украинскаго университета исключительно по политическимъ мотивамъ. Нигдѣ, можетъ быть, такъ ясно, какъ въ университетскомъ вопросѣ, не проявились убожество и ограниченность національной политики польской шляхты. Почти все польское общество, смущенное напоромъ русскаго и германскаго націонализма, охвачено однимъ стремленіемъ: упорной работою на „окраинахъ“ вознаградить потери своего „состоянія обладанія“ въ этнографической Польшѣ. Украинскій университетъ во Львовѣ сильно бы помѣшалъ этой полонизаторской работѣ въ восточной Галиціи, и поэтому-то поляки такіе упорные его противники.

Подняться хоть немного надъ узкими галицкими интересами, посмотрѣть на украинскій вопросъ вообще и на требованіе украинскаго университета въ частности съ точки зрѣнія интересовъ польскаго народа, какъ цѣлаго,— среди поляковъ почти никто не въ состояніи. Единственный голосъ,—голосъ трезваго, дальновиднаго политика,— прозвучалъ со страницъ „Przegląd'a“ (кромѣ нѣкоторыхъ едичныхъ органовъ въ Россіи, какъ, напр., „Dzien. Petersb.“, и польской соціалистической прессы). Привожу мнѣніе этой газеты въ университетскомъ вопросѣ, какъ свѣтлое пятно на темномъ фонѣ общаго непониманія, близорукости и ограниченности. Статья была помѣщена въ началѣ мая и называлась „Позиція кола польскаго въ Думѣ“. Въ ней говорится, что теперъ коло думское изолировано

и не имѣть союзниковъ. Иначе было бы, если бы въ Россіи выросло въ серьезную политическую силу украинское національное движеніе. Тогда поляки и украинцы, имѣя общіе интересы, могли бы быть въ Думѣ союзниками“. „Можно,— пишетъ газета,— смотрѣть на украинское движеніе съ двухъ точекъ зрѣнія: съ общепольской и галицкой. Если станемъ на послѣднюю точку зрѣнія и не будемъ думать о томъ, что можетъ случиться въ остальныхъ польскихъ земляхъ, то, конечно, должны считать украинцевъ за нашихъ враговъ... и обращаться съ ними такъ, какъ теперь обращаются съ ними вшехполяки... Стоя на этой точкѣ зрѣнія, можно, конечно, всякими средствами мѣшать развитію украинства, не позволять ни учрежденія школъ, ни университета... Не будетъ это, однако, ни разумно, ни политично, этимъ мы только переложимъ наши заботы на плечи будущихъ поколѣній. Иначе будетъ смотрѣть на этотъ вопросъ полякъ, подходящій къ украинскому движенію съ общепольской точки зрѣнія. Онъ скажетъ прежде всего, что никогда еще никакого національнаго движенія ни въ одномъ государствѣ не могли подавить полицейскими средствами... Далѣе онъ скажетъ, что перспектива пріобрѣтенія себѣ союзника въ русскихъ украинцахъ (газета выражается еще опредѣленнѣе; къ сожалѣнію, этого мѣста я не могу привести дословно) для Польши такъ цѣнна, что для нея стоитъ пожертвовать тѣми мелочами, которыя такъ пугають нашихъ шовинистовъ въ Галиціи. Украинскій университетъ во Львовѣ, хотя бы онъ сталъ солнцемъ, къ которому спѣшила бы изъ цѣлой южной Россіи украинская молодежь, ...сталъ бы очень важнымъ факторомъ ея политическаго и національнаго самосознанія“.

Газеты, осмѣливающіяся, однако, такъ писать, — это бѣлые вороны въ черной шовинистичной стаѣ. Впрочемъ, было бы несправедливо отрицать у галицкихъ поляковъ совершенно присутствіе далекихъ плановъ и „широкихъ перспективъ“, въ украинскомъ, въ частности въ университетскомъ вопросѣ. „Принципіальная политика“, стремящаяся оградить интересы заграничныхъ земляковъ путемъ противоукраинскаго соглашенія съ Россіей,—о которой мнѣ уже приходилось писать,—какъ кажется, и въ послѣдней антиуниверситетской кампаніи играла у вшехпольскихъ политиковъ не послѣднюю роль.

Въ № отъ 30-го апрѣля „Słowo Polskie“ безъ обиняковъ, какъ на одинъ изъ аргументовъ противъ учрежденія украинскаго университета, указываетъ на... рѣзко отрицательное отношеніе къ этой „затѣѣ“ Россіи. Для вѣщшей убѣдительности выдвигаютъ на сцену даже призракъ войны! Въ своихъ статьяхъ по этому вопросу названная газета, „Gazeta Nerodowa“ и др. выступили прямо какъ агенты Россіи!

И въ этомъ безнадежномъ непониманіи верховодовъ польской политики значенія украинскаго движенія для самихъ же поляковъ,—непониманіи, которое еще разъ блестяще показало себя въ университетскомъ вопросѣ,—и проявилась та крайняя ограниченность польскихъ „отцовъ отечества“, на которую я указалъ выше. Впрочемъ, возможно, что тутъ приходится имѣть дѣло не съ ограниченностью, а... съ вполнѣ яснымъ политическимъ расчетомъ. Недавно „Słowo Polskie“ (одинъ изъ майскихъ номеровъ) и „Kurjer Warszawski“ (30/IV) пришли къ здравому убѣжденію, что политика уступокъ галицкимъ украинцамъ, спекулирующая какъ на возможнаго союзника на украинское движеніе въ Россіи, опасна для поляковъ, потому что „поляки на Украинѣ, Волыни и Подоліи не могутъ для какой-нибудь доктрины жертвовать своимъ довольно сильнымъ „состояніемъ обладанія“. Галицкіе польскіе политики должны считаться съ этимъ фактомъ и учитывать его“. Украинское движеніе, какъ образно выражается одна изъ названныхъ газетъ,—„палка о двухъ концахъ“: какъ движеніе демократическое, оно можетъ принести большой вредъ польскому, преимущественно помѣщичьему, элементу на Украинѣ. Поэтому-то галицкіе поляки съ такимъ недоверіемъ относятся къ политикѣ кокетничанія съ украинцами въ Галиціи, которую они считаютъ игрою съ огнемъ. Какъ бы то ни было, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ политическимъ расчетомъ или политическимъ недомысліемъ,—фактъ остается фактомъ. „Ukrainam esse delendam“!—этотъ постоянный рефренъ всѣхъ польскихъ политиковъ никогда, быть можетъ, не звучалъ такъ отчетливо, какъ при обсужденіи университетскаго вопроса.

Какъ ни велико, однако, политическое значеніе обостренія національныхъ отношеній въ Галиціи въ результатѣ борьбы за украинскій университетъ, главное, сим-

птоматическое значеніе этой борьбы заключается не въ этомъ. Послѣ принятія коломъ извѣстной резолюціи „S. P.“ съ чувствомъ моральнаго удовлетворенія писало: „Національная мысль пока-что побѣдила. А вмѣстѣ съ тѣмъ остался нетронутымъ принципъ, что польско-украинскія дѣла должны рѣшаться въ краѣ, а не въ Вѣнѣ“. Какъ извѣстно, основная идея польской политики въ украинскомъ вопросѣ та, что украинскій вопросъ домашній, польскій вопросъ, который лучше всего, если бы поляки рѣшили сами. Въ крайнемъ случаѣ можно согласиться на посредничество Вѣны, но и то лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы безъ поляковъ, путемъ непосредственныхъ переговоровъ украинцевъ съ центральнымъ правительствомъ украинскія дѣла не рѣшались. Главную цѣлью украинцевъ было, напротивъ, добиться такъ-называемой „Reichsunmittelbarkeit“¹⁾ (государственной непосредственности),—права быть трактованными наравнѣ съ прочими націями, какъ граждане не Рѣчи Посполитой, а Австрійской имперіи. Университетскій вопросъ тѣмъ и важенъ, что онъ впервые, кажется, пробилъ брешь въ старой польской системѣ. Подчеркивая, что они требуютъ университета не отъ поляковъ, а отъ правительства, не признавая *junctim* въ университетскомъ вопросѣ и вопросѣ объ избирательной реформѣ въ краѣ,—украинцы ясно поставили принципъ „государственной непосредственности“. На эту же точку зрѣнія начинаютъ становиться и въ вѣнскомъ политическомъ мірѣ. Недавно „Die Zeit“ писала, что поляки могутъ лишь заботиться о гарантированіи польскаго характера львовскаго университета, а рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ, какъ и когда возникнетъ университетъ украинскій, зависитъ всецѣло отъ правительства. Вообще украинскій вопросъ, какъ это констатируетъ вся нѣмецкая пресса, пересталъ быть чисто галицкимъ вопросомъ. Онъ вошелъ въ такую стадію, когда компромиссы на основѣ легкихъ измѣненій въ существующемъ *status quo* — совершенно безрезультатны. Правительству остаются двѣ дороги. Одна,—рекомендуемая уже и теперь нѣкоторыми нѣмцами-политиками²⁾,—дорога уступокъ украинцамъ. Это значитъ вооружить противъ себя

1) Въ старо-нѣмецкой имперіи *Reichsunmittelbare* назывались особы, подчиненные непосредственно императору и государству.

2) См. P. Samassa, *Völkerstreiten Habsburgerstaat*. Leipzig, 1911.

поляковъ. Другая — продолжать старую полякофильскую политику. Это неизбежно приведетъ къ тому, что, подобно чешскому, украинскій вопросъ станетъ однимъ изъ самыхъ твердыхъ орѣховъ австрійской государственности.

Какъ выпутается правительство изъ своего положенія? Врядъ ли кто-нибудь въ Австріи взялъ бы на себя неблагодарную задачу отвѣтить на этотъ вопросъ. Что касается украинскаго университета, то этотъ вопросъ находится въ такомъ положеніи, что откладывать его рѣшеніе становится совершенно невозможнымъ. О томъ колоссальномъ значеніи, которое будетъ имѣть украинскій университетъ, нечего говорить. Значеніе университета, — правда, въ наивныхъ словахъ, — прекрасно опредѣлили г. Вергунъ еще десять лѣтъ назадъ. Вотъ что писалъ онъ тогда въ „Славянскомъ Вѣкѣ“. „Разъ малорусское нарѣчіе станетъ языкомъ преподаванія на всѣхъ факультетахъ русскаго университета, такъ это уже не нарѣчіе, а научный языкъ, значить, и русскихъ литературныхъ языковъ не одинъ, а ихъ два!“ Дѣйствительно, трагическая ситуація... Для москвофиловъ настолько трагическая, что они просто-на-просто приглашаютъ Россію объявить войну Австріи (см. „Галичанинъ“, № 93, и „Прик. Русь“, № 760) для борьбы „съ абсурдной и весьма опасной для идеи національнаго единства русскаго народа заразы“ („Пр. Р.“, № 181, V—12).

Вся исторія борьбы галицкихъ украинцевъ чрезвычайно поучительна для насъ. Прежде всего она не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что всякія, хотя бы и самыя торжественныя постановленія основныхъ законовъ о правѣ націи на самоопредѣленіе такъ же мало въ состояніи создать націю, какъ проекты г. Пихно декретировать несуществованіе какой-нибудь націи въ состояніи фактически вычеркнуть ее изъ списка живыхъ. Эти бумажныя постановленія о правахъ націи только тогда и постольку станутъ фактомъ, поскольку данной націи присуща энергія и воля къ жизни. Кромѣ того, исторія борьбы за украинскій университетъ въ сотый разъ доказываетъ, что въ политикѣ играетъ не сила аргумента, а аргументъ силы. Пока украинскіе студенты изъ года въ годъ посылали меморіалы и петиціи министрамъ, послѣдніе, несмотря на всю логичность и краснорѣчіе присылаемыхъ документовъ,

оставались глухи къ требованіямъ украинскаго студенчества. Какъ только, однако, украинцы прибѣгли во Львовѣ къ болѣе рѣшительнымъ способамъ борьбы, а въ парламентѣ началась украинская обструкція, грозившая отложить въ долгій ящикъ всѣ такъ-называемыя „Staatsnotwendigkeiten“, моментально весь кабинетъ и почти всѣ политическія партіи убѣдились въ справедливости украинскихъ желаній. Теперь врядъ ли найдется въ вѣнскомъ парламентѣ человекъ, принципиально не признающій за украинцами права на свой университетъ. И подумать только, что какихъ-нибудь 50 лѣтъ еще тому назадъ въ Галиціи велись серьезные разговоры на тему: нація ли украинцы или нѣтъ, а польскіе Струве доказывали, что украинскій языкъ лишь нарѣчіе польскаго!

Плохое предзнаменованіе для россійскихъ Струве—правыхъ и лѣвыхъ.

Бросая взглядъ назадъ на всю исторію университетской борьбы, съ увѣренностью можно сказать, что не мы, а поляки проиграли ее. Украинцы добились признанія права на свой университетъ, а въ ближайшемъ будущемъ это право реализуютъ. Поляки даже своихъ друзей заставили сомнѣваться въ наличности у нихъ какого бы то ни было государственнаго смысла. Того государственнаго смысла, который одинъ лишь можетъ гарантировать одной націи длительное господство надъ другой.

И тѣмъ хуже не для насъ, а для поляковъ, если украинцамъ до сихъ поръ, въ XX столѣтіи приходится обращаться къ нимъ со словами, написанными еще при существованіи Рѣчи Посполитой Коллонтаемъ: *Trzeba choci-aż poroіom tych, którzy układali konwesyę hadiackę, dotrzymis wiary*“...

P.S. Письмо было уже написано, когда въ тактикѣ Украинскаго Союза въ парламентѣ произошелъ совершенно неожиданный поворотъ. Послѣ того какъ правительству стало извѣстно отрицательное отношеніе Союза къ проекту императорскаго рескрипта, украинцамъ было обѣщано за прекращеніе обструкціи оглашеніе отъ имени правительства соотвѣтственной деклараціи по университетскому вопросу. Декларація, составленная въ духѣ желаній Украинскаго Союза, должна была стать новымъ базисомъ для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Еще 31-го мая, Украинскій Союзъ, ознакомившись съ главными положеніями „декларациі“, призналъ ее неприемлемой, а на другой день, 1-го (14) іюня, обструкція была прекращена, и министр народнаго просвѣщенія Гусарекъ прочелъ въ бюджетной комиссіи свою „декларацию“.

Главные пункты „декларациі“ сводятся къ слѣдующему:

1) Будетъ изданъ императорскій рескриптъ объ украинскомъ университетѣ, о чемъ уже выше была рѣчь. 2) Срокъ основанія университета, по сравненію съ первоначальнымъ проектомъ, сокращается. 3) Количество украинскихъ доцентовъ въ существующемъ университетѣ будетъ постепенно увеличиваться. Въ общемъ, существующій „eman posegans“ украинцевъ въ существующемъ университетѣ—впредь до основанія новаго—не можетъ быть уменьшенъ. 4) Мѣсто учрежденія университета должны опредѣлить законодательныя палаты. Поручаю, что обѣщанія правительства будутъ осуществлены, должна служить форма, въ которой эти обѣщанія будутъ изданы: императорскій рескриптъ.

Такова декларация правительства. Прежде всего та „абсолютная гарантія“ осуществленія обѣщаній правительства, каковую долженъ дѣлать императорскій рескриптъ, не представляется намъ уже столь абсолютною. Вся исторія Австріи послѣднихъ шестидесяти четырехъ лѣтъ, полная данныхъ нарушенныхъ присягъ, не позволяетъ намъ предаваться въ этомъ отношеніи излишнему оптимизму. Однако, наиважнѣйшимъ недостаткомъ декларациі является вопросъ о мѣстѣ университета. Отдать рѣшеніе этого вопроса всецѣло на волю парламента при настоящемъ соотношеніи силъ въ рейхсратѣ значить или совершенно утратить возможность когда-либо получить университетъ во Львовѣ, или достигнуть этого цѣною очень важныхъ уступокъ. Поэтому позиція, занятая въ этомъ вопросѣ Украинскимъ Союзомъ на засѣданіи 22-го мая, представляется намъ болѣе правильной. Тогда Украинскій Союзъ постановилъ, что „распоряженіе объ учрежденіи будущаго украинскаго университета безъ обозначенія Львова какъ мѣста нахождения университета неприемлемо для украинской націи“.

Кромѣ того, сомнительно, удастся ли устранить новымъ проектомъ іunctim между учрежденіемъ университета и украинской обструкціей въ сеймѣ. Нѣсколько туманныхъ словъ

министерской деклараціи по поводу этого вопроса поляки уже интерпретируютъ такимъ образомъ, что, по мнѣнію правительства, учрежденіе украинскаго университета немислимо безъ прекращенія украинской обструкціи въ сеймѣ. Такъ по крайней мѣрѣ высказался органъ польскаго кола въ Вѣнѣ „Polnische Korrespondenz“.

Переговоры, опять начатыя между коломъ польскимъ, Украинскимъ Союзомъ и правительствомъ, покажутъ, сыграла ли только что окончившаяся украинская обструкція въ университетскомъ вопросѣ хоть какую-нибудь роль или нѣтъ. Эти же переговоры покажутъ, насколько правильно поступилъ Украинскій Союзъ прекращая обструкцію и выпуская изъ рукъ такое важное для парламентскаго меньшинства, оружіе въ борьбѣ за права своего народа.

Обструкція прекратилась не только въ комиссіяхъ. Нѣсколько дней спустя, 5-го іюня, Украинскому Союзу было прочитано министромъ внутреннихъ дѣлъ бар. Гайнольдомъ „письмо“ сѣдующаго содержанія:

„Его величество императоръ, котораго сначала удивило отношеніе украинцевъ къ военному законопроекту, съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ къ свѣдѣнію, что Украинскій Союзъ въ надлежащій моментъ измѣнилъ свое намѣреніе и занялъ болѣе примирительную позицію, соотвѣтствующую важности вопроса. Его величество императоръ, увѣренный въ патріотизмъ украинскаго народа и его вѣрности монарху, не сомнѣвается, что его представители и въ будущемъ не измѣнятъ своей политики относительно военнаго законопроекта“.

Это письмо произвело необыкновенное впечатлѣніе, и не только на украинцевъ, которые въ отвѣтъ на него объявили, что не только не будутъ производить обструкціи въ „пленумѣ“, но даже будутъ голосовать за военный законопроектъ. Страшное недовольство вызвало письмо въ польскомъ колѣ. Поляки, которые узнали о „письмѣ“, только послѣ его появленія, совершенно справедливо увидѣли въ самомъ фактѣ появленія „письма“, нарушеніе одного изъ основныхъ принциповъ австрійской политики въ Галиціи,— принципа, по которому ни одинъ правительственный актъ, такъ или иначе касающійся украинцевъ, не можетъ появиться безъ вѣдома и согласія поляковъ.

Не въ состояніи было успокоить поляковъ другое пись-

мо императора, по адресу кола польскаго. И дѣйствительно, письмо императора представляет собою актъ совершенно исключительнаго характера. Всѣ газеты на всѣхъ австрійскихъ языкахъ ломають себѣ голову надъ вопросомъ: что за причины побудили правительство выдать Fleiszettel незначительной партіи въ парламентѣ, которая къ тому же какъ-разъ была единственной ставившей серьезныя препятствія военному законопроекту. Трудно понять, какія причины могли заставить правительство прибѣгнуть къ такому исключительному способу давленія на обструкціонистовъ украинцевъ, когда въ парламентарныхъ кругахъ были почти увѣрены, что въ „пленумѣ“ украинцы все равно продолжать обструкцію не будутъ.

Очевидно, причины изданія императорскаго письма были другія. И мы едва ли будемъ далеки отъ истины, утверждая, что этихъ причинъ нужно искать не въ интересахъ внутренней политики Австріи. Императорское письмо, хотя адресованное украинцамъ, прочтутъ и за границами Австріи, въ особенности же въ столицѣ той изъ „дружественныхъ“ Австріи державъ, гдѣ очень внимательно слѣдятъ за австрійской политикой въ Галиціи. Прочитанное тамъ, „письмо“, которое нѣкоторые разсматриваютъ какъ первую попытку примирить галицкихъ украинцевъ съ австрійскою государственностью, не было бы лишено извѣстнаго заходящаго за границы Габсбургской имперіи значенія. Хотя, конечно, скороспѣлыя заключенія, дѣлаемые по поводу появленія „письма“—объ измѣненіи всей системы австрійской политики въ Галиціи,—врядъ ли имѣютъ какое-либо основаніе.

Если бы авторы „письма“ дѣйствительно такъ его понимали и если бы польское коло не случайно не было поставлено въ извѣстность объ его предстоящемъ оглашеніи, тогда мы имѣли бы право утверждать, что австрійское правительство, повидимому, начало сознавать непримиримое противорѣчіе между иностранной политикой государства и того *raison d'état*, которая до сихъ поръ господствуетъ въ Галиціи.

Это обстоятельство, а также нѣкоторое измѣненіе въ отношеніи парламента къ польско-украинскому спору и тѣ незначительныя уступки, которыя правительство сдѣлало украинцамъ въ „декларациі“,—вотъ положительные результаты украинской обструкціи.

Дм. Донцовъ.